

Русские речевые стереотипы на фоне корейского языка

Р.А. Кулькова (Sangmyung University)
and В.В. Слепченко (Kookmin University)

Raissa Koulkova and Vadim Slepchenko. (2012). Русские речевые стереотипы на фоне корейского языка. *Language Research*. 48.1, 59-74

Russian speech patterns in comparison with the Korean language can be classified into four groups. These are **full equivalents** (speech patterns in which the type of metaphorical transfer and its linguistic expression in Russian and Korean are practically the same), **partial equivalents**, **lexical gaps** (stereotyped expressions that do not exist in other languages), and **pseudo-equivalents**: multivalent lexical and grammatical structures, the specific meaning of which can be understood only in the specific context and in conjunction with the intonation. They can be called “*faux amis* of translator” in the syntax.

Evidence of complete match of stereotyped expressions (full equivalents) indicates the existence of general patterns of thinking of both cultures, and the facts of the differences (lexical gaps and partial equivalents) indicate a different logic of reflection of the world in different languages. The presence of multivalent structures in the Russian language that exerts their meaning by context and intonation is a typical feature of the Russian language compared to the Korean language because intonation and context in Russian language are more functional.

Keywords: Russian speech patterns, full equivalents, partial equivalents, lexical gaps, multivalent lexical and grammatical structures, language teaching, theory of translation

В наши дни, когда возрастает роль межкультурных контактов, синхронно-сопоставительные исследования (сопоставительная грамматика, сопоставительная лексикология и др.) развиваются очень интенсивно. Их результаты находят свое применение на практике, в частности, в обучении иностранным языкам и в практике перевода. Данная работа выполнена в русле таких исследований. В фокусе нашего внимания находится русский язык на фоне корейского, а конкретно – исследуются национально-специфические особенности некотор

ых русских речевых стереотипов.

Речевыми стереотипами мы будем называть выражения, которые не создаются заново в речи отдельными говорящими, а являются стандартизированными, воспроизводимыми, повторяющимися (*живой разговор, вынести тему за скобки разговора* и др.). Это частотные, стандартизированные, устойчивые словосочетания, что проявляется в постоянстве их состава, например, *живой разговор*, а не **живущий разговор, вынести за скобки разговора*, а не **вынести за дверь разговор*. Мы разделяем точку зрения, согласно которой устойчивые выражения «функционируют как отдельные слова, и в языке их тысячи» [Лакофф, Джонсон 2004: 88].

Речевые стереотипы принято рассматривать по темам. Например, в учебных пособиях и справочниках мы встречаем такие тематические группы речевых стереотипов как «Просьба», «Согласие», «Совет», «Начало разговора», «Стимулирование разговора», «Выделение главного, существенного», «Любовь», «Дружба» и многие другие [Формановская, Шевцова 1992, Кириш, Крылова, Соколова 1990, Акишина 2012]. Мы проводили свою выборку стереотипных выражений в доступных нам источниках, наблюдая над их употреблением в устной речи, беседах, интервью, дискуссиях, ток-шоу и др. В выборку попал материал самых разнообразных по тематике и стилистике передач телевидения,¹⁾ записи устной речи на разные темы. Мы проводили и сбор материала до тех пор, пока речевые стереотипные формулы не начали повторяться, что свидетельствует о довольно полном охвате материала. В рукописи простой перечень межтематических речевых стереотипов (с контекстами) занимает около 400 страниц. Но в данной статье мы сфокусируемся лишь на некоторых из них и сопоставим их с аналогичными выражениями в корейском языке: в фокусе внимания - речевые стереотипы с существительным *разговор* и глаголами *говорить, сказать, думать*. Они являются межтематическими, т.е. обслуживают разговор на любую тему и выражают либ

1) «Апокриф», «Актуальный разговор», «Бремя денег», «Вести-дежурная часть», «Время. Люди и Судьбы», «Времечко», «Главная тема», «Город», «Город женщин», «Деловая Москва», «Досье. Совершенно секретно», «Детали», «Доверие», «Короткое замыкание», «Кто мы», «Культурная революция», «Линия защиты», «Моя семья», «Момент истины», «Народ хочет знать», «Неприкосновенный запас», «Наши деньги», «Ночной гость», «Ночной разговор», «Принцип домино», «Окна», «Парламентский час», «Право голоса», «Русский взгляд», «Сфера интересов», «Сфера», «Семья», «Собственная гордость», «Страна и мир», «Свобода слова», «Тем временем», «Треугольник», «Цена вопроса», «Цена любви», «Чего хочет женщина», «Час суда», «Частная жизнь», «Я мама», «Момент истины» и др.

о оценку (*Разговор получился яркий и живой*), либо завершение беседы (*Под занавес разговора задам вопрос*), либо согласие (*Быть учителем трудно? – О чем разговор!*) и др.

Сделанные в исследовании выводы могут быть полезны не только преподавателям русского как иностранного и корейского как иностранного, не только переводчикам, но также и лицам, которые по роду своей деятельности должны вести конференции, встречи, дискуссии на русском (корейском) языке.

Теоретические основы исследования

В своем исследовании мы опираемся на некоторые общие постулаты, которые доказаны в науке на большом количестве конкретного материала. Самое общее положение, с которым мы солидарны, это утверждение выдающегося французского культуролога, антрополога К.Леви-Строса, который при изучении разных культур пришел к выводу, что структуры человеческого мышления в своей основе универсальны [Леви-Стросс 1994]. Вторым важным постулатом является положение, которое проходит через все работы Е.А.Брызгуновой, согласно которому знание русского языка при его изучении как иностранного должно складываться не только из знаний лексики и синтаксиса, но и - что очень важно - также из знаний закономерностей употребления системы звуковых средств для выражения коммуникативного типа предложения (в частности, знание типов ИК и их функционирования в том или ином конкретном контексте) [Брызгунова 1997]. Это связано с тем, что в русском языке большую роль играют типы ИК, место центра ИК и другие интонационные характеристики речи, то есть функциональная нагрузка интонации в целом более высокая, чем в других языках, в частности, в корейском. Последнее подтверждено в исследовании Мун Сун Вон при сопоставительном анализе типов вопросительных предложений в двух языках [Мун Сун Вон 1994]. Мы отдаем себе отчет в том, что *интонация* в корейском языке разнообразна в зависимости от диалекта, поэтому окончательное заключение в этом отношении можно сделать только после изучения всего разнообразия фактического материала. Наконец, систематизируя и концептуализируя материал, мы использовали когнитивный подход к языковым структурам метафорического характера,

предложенный Дж.Лакоффом и М. Джонсоном [Лакофф, Джонсон 2004], потому что подавляющее большинство проанализированных нами речевых стереотипов представляют собой выражения метафорического типа.

Анализ соотношения речевых стереотипов в русском и корейском языках приводит к выводу, что можно выделить 4 типа соотношений. Для трех из них можно использовать устоявшиеся термины из сравнительной лексикологии и сравнительной фразеологии: полные эквиваленты, частичные эквиваленты и лакуны. Четвертый тип явлений назовем псевдоэквивалентами. **Полный эквивалент** – это соотношение, при котором стандартизированному выражению в одном языке имеется прямое соответствие в другом. Понимание и перевод полных эквивалентов не вызывает затруднений (*У нас получился живой разговор*). **Частичный эквивалент** – это такие соответствия, когда речевой стереотип в русском языке, дословно переведенный на корейский язык, дает в принципе понятное, но не вполне ненатуральное высказывание (*Я вижу, наш разговор иссяк*). В этом случае для него подыскивается приблизительный перевод. **Лакуны** – абсолютное отсутствие и полного, и частичного эквивалента. Лакунами часто являются, высказывания, построенные на метафорах, так как метафоры (многие, хотя не все), как известно, национально специфичны. Пример: *Это совершенно пустой разговор*. И наконец, **псевдоэквивалентности** - структуры, значение которых зависит от контекста и/или интонации. По существу, они являются ложными *друзьями переводчика в синтаксисе*. В лексике под ложными друзьями переводчика понимают слова, идентичные или сходные в звучании на разных языках, но имеющие разный семантический объем, разную сочетаемость, разную стилистическую окраску, что вызывает значительные трудности при переводе (и такими случаями языки изобилуют). В синтаксисе также есть подобное явление: это структуры, которые состоят из суммы слов, буквальный (пословный) перевод которых не передает замысел говорящего адекватно. Эти структуры сложны в силу своей кажущейся простоты. В категорию псевдоэквивалентов могут попасть адекватные словосочетания (*яркий разговор*) и *структуры аналитического синтаксиса* по Е.А.Брызгуновой, в создании значения которых участвует контекст и/или интонация (передвижение интонационного центра, и/или изменение типа ИК),²⁾ например: речевой стереотип *я вам скажу* в составе контекста *Расписание - я вам*

скажу – ни куда не годится **не** может быть переведен как я вам скажу = я вас информирую, так как он выражает отрицательные эмоции говорящего.

Результаты исследования

1. Полные эквиваленты

Прежде всего, остановимся на соответствиях, которые мы условно назвали *полными эквивалентами*. Известно, что полное совпадение в значении речевых стереотипов и полный параллелизм в их языковой форме, особенно для не близкородственных языков, - это явление редкое, однако нельзя не признать, что есть случаи значительного сходства (в семантике и в способе ее лексического выражения) отдельных стереотипных выражений в русском и корейском языках. Область эквивалентов обнаруживает участки языков, где мы находим большое сходство в отражении действительности. С точки зрения синтаксиса это могут быть разные модели: как адъективные, так и предикативные. Больше всего полных эквивалентов среди адъективных моделей. Например, как в русском, так и в корейском языковом сознании есть метафорическое представление *о разговоре* как о некоей автономной сущности сродни человеку (разговор → человек), а так как человеку может быть присуще такое качество как серьезность, в обоих языках находим практически совпадающий речевой стереотип: *серьезный разговор* и 심각한 이야기, например, *У нас вчера был серьезный разговор* ⇒ 우리는 어제 심각한 이야기를 했다. В сопоставляемых языках имеют место также речевые стереотипы *глубокий разговор* и 깊은 대화, основанные на метафоре ‘разговор → водоем’, отсюда *глубокая река* (깊은 강) → *глубокий разговор* (깊은 대화), например, *У нас получился глубокий разговор* ⇒ 우리는 깊은 대화를 했다 ⇒ 우리는 심도 있는 대화를 했다. К эквивалентам относятся также стереоти

2) О том, что такое синтаксический аналитизм, см. [Брызгунова 2011]. **Аналитизм в морфологии** принято понимать как выражение грамматического значения слова вне его пределов [Панов 1968: т.1. с.1-25, т.3. с.1-25], например, *еду из метро, нахожусь в метро*. **Аналитизм в синтаксисе** - это такое явление, когда «скоординированное взаимодействие» средств лексики, синтаксиса, интонации и контекста служит выражению коммуникативной цели говорящего, слушающего, пишущего, читающего, например, *Он приехал - Он приехал!*, где различие коммуникативных типов выражено только интонацией.

пные выражения *живой разговор* и 활발한 대화: *Разговор получился живой, интересный* ⇒ 활발하고 재미있는 대화였다. В этой же группе о тносится речевой стереотип *конструктивный* (т.е. плодотворный) *р азговор*: *Спасибо за конструктивный разговор* ⇒ 건설적인 말씀을 해 줘서 감사합니다. В двух последних случаях имеет место метафора раз говора как персонифицированного существа, которое является живы м (*живой разговор*) и которое может приносить (создавать) «плоды» в виде некой «конструкции» (*конструктивный разговор*).

Среди эквивалентов есть и глагольные словосочетания. Так, к экв ивалентам относится характерное для обоих языков стереотипное в ыражение *разговор течет* (이야기가 흘러간다), что объясняется метаф орой *разговор* → *река* (подвижная субстанция): *река протекает* – *р азговор протекает*, например, *Наша беседа протекала в спокойной обстановке* ⇒ 우리의 대화가 순조롭게 흘러가고 있었다. В рамках этой ж е метафоры (разговор как подвижная субстанция) находятся и речев ые глагольные стереотипы со словами *направление* и *уровень*: *идти в каком-то направлении* и *подняться на другой уровень*, например, *Разговор наш пошел не в том направлении* ⇒ 우리의 대화가 잘못된 방 향으로 가기 시작하였다; *Давайте изменим направление нашего разговор а* ⇒ 우리 대화의 방향을 바꿔봅시다; *Благодаря вам наш разговор поднял ся на новый уровень* ⇒ 당신 덕분에 우리의 대화의 수준이 향상되었다.

Известно, что метафоры, относящиеся к одному предмету, чаще в сего бывают согласованы между собой [Лакофф, Джонсон 2004: 73]. Если с этой точки зрения проанализировать рассмотренные мет афорические выражения со словом *разговор*, то черты согласованно сти, черты общего в них есть, и их можно сформулировать следую щим образом: *разговор* в русском и корейском языковом сознании в самом общем плане - это некая абстрактная подвижная субстанци я, которая обладает некоторыми свойствами. Она способна двигатьс я во времени и пространстве (*протекать*, как река; *идти в каком-т о направлении*, *выходить на какой-то уровень*, как дорога). Присущ ая этой сущности динамичность (движение) может быть рассмотрен а и как устремленность к результату (*конструктивный*). Наконец, э та абстрактная субстанция может быть как не олицетворенной (как река, дорога), но и олицетворенной (разговор *серьезный* или *живой*, как человек). Обнаружение согласованности в системе метафор, отн осящихся к одному слову, имеет не только научное, но и практичес кое значение: оно облегчает усвоение русского и корейского языков

иностранными учащимися на продвинутом этапе: такие логические объединения речевых стереотипов помогают осмыслению и запоминанию конкретного речевого материала, тем более что все сказанное об употреблении существительного *разговор* относится и к его синонимам: *беседа, дискуссия* и др.

Наличие полных эквивалентов подтверждает тезис о том, что в разных языках существуют довольно схожие закономерности мышления и похожая логика метафорического переноса.

2. Частичные эквиваленты

Как сказано выше, частичными эквивалентами называются такие соответствия, при которых прямой перевод русского речевого стереотипа возможен, но его нельзя признать натуральной, типичной фразой корейского языка. Яркий пример частичного эквивалента – это стереотипное русское выражение *под занавес разговора: Под занавес с разговора задам последний вопрос* (букв. 대화의 막 내리기 전에 마지막 질문을 하겠다). Это выражение основывается на метафорическом переносе: разговор → спектакль (а занавес → конец спектакля). Узуально же для корейского языка более привычно такое выражение ⇒ *대화가 끝나기 전에 마지막 질문을 하겠다* (букв. До окончания разговора задам последний вопрос). Другой частичный эквивалент – русский речевой стереотип *упустить нить беседы: Я упустил нить разговора*. (букв. 나는 대화의 실마리를 놓쳤다). Более натурально для корейского языка такое высказывание как ⇒ *나는 대화의 맥을 놓쳤다* (букв. Упустил жилу разговора). Здесь принцип метафорического переноса не абсолютно идентичен, но близость обнаруживается. В данном случае *разговор* в обоих языках предстает как метафора движения, в котором есть некая *нить (жила)*, обеспечивающая его связанность и непрерывность. На той же метафоре *разговор как движение* базируются и частичный речевой стереотип *разговор вышел на какую-то высоту*, например, *Разговор вышел на новую высоту* (букв. 대화는 새로운 고도에 올라왔다 ⇒ 대화의 수준이 향상되었다, букв. *Разговор поднялся в уроне*).

Метафора *разговор → река* (ср. полный эквивалент- *глубокий разговор, разговор протекает*) в русском языке доведена до логического конца: *раз река может течь*, значит, он может и *иссякнуть*, *раз разговор течет*, он и его тема когда-то *иссякает*. Например, *Я вижу*

у, тема нашего разговор иссякла (букв. 우리 대화의 주제가 고갈된 것 같다). В корейском такая метафора при прямом переводе в целом понятна, тем не менее данное значение узуально передается иначе: ⇒ 우리는 더 이상 대화할 주제가 없는 것 같다 (букв. У нас больше нет тем для разговора).

В этой же группе отметим еще одно выражение, которое строится на русской метафоре *разговор* → *текст*, а в конце текста, как известно, ставится точка. В составе словосочетания *(по)ставить точку* у в значении *окончить разговор* оно не имеет в корейском языке полного эквивалента. *Наш разговор окончен, можно поставить в нем точку.* (букв. 우리의 대화가 끝났다. 마침표 찍어도 된다). На корейский может быть переведено следующим образом ⇒ 우리의 대화가 완전히 끝난 셈이다 (букв. *Наш разговор можно считать совсем оконченным*).

Следующий речевой стереотип - *вынести за рамки разговора* - основан на том, что *разговор* интерпретируется как *пространство*, которое может иметь границы, рамки. Отсюда *рамки пространства* → *рамки разговора*: *вынести за рамки разговора, осталось за рамками разговора*, например, *Еще есть один момент, который, остался за рамками нашего разговора* - букв. 우리 대화의 틀 밖에 남은 부분이 남아 있다. Возможный вариант перевода на корейский язык, который звучит естественно ⇒ 우리가 대화하지 않은 부분이 남아 있다 (букв. *Остался один момент, о котором мы еще не говорили*).

Материал частичных эквивалентов показывает, что на данном участке языков мы имеем дело с общими принципами мышления (с точки зрения логики русская метафора будет понятна носителю корейского языка), но существуют внутриязыковые запреты на наличие языкового эквивалента этой метафоры, т.е. она не востребована языковой практикой.

3. Лакуны

Наиболее ярко различия в речевых стереотипах и в типах метафоризации, т.е. в образном мышлении народа, в его языковой картине мира, имеют лакунарные стереотипные выражения.³⁾ Рассмотрим к

3) В любом языке возможны случаи окказиональной метафоры, которая не является общепринятой, и выражение в целом не является речевым стереотипом. Например, Эта тема-главнотопливовразговоре.(букв. 이 주제는 우리 대화의 주 연료이다 ⇒ 이 주제는 우리 대화의 주 화제이다). Здесь разговор → транспорт, средство передвижения, тема в нем → топливо. Такие лакуны представляют интерес как выражение творческой мысли отдельных носителей

онкретные примеры межтематических речевых стереотипов.

- Остаться за кадром (букв. 한 장면 밖에 남다). Существование выражения *остаться за кадром* в русском языке объясняется метяфорой *разговор* → *кинолента*, а кинолента, в свою очередь, состоит из кадров, откуда образ: что-то не показано, осталось за кадром (т.е. вне разговора). Например: *Об этом мы не говорили и. Это осталось за кадром.* Такого типа метафорического переноса в корейском языке не наблюдаем. Передать общий контекст можно следующим образом: ⇒ 우리는 이것에 대해 대화하지 않았다. 이것은 우리의 대화 범위에 포함되어 있지 않았다. (букв. *Об этом мы не говорили. Это не было включено диапазон нашей беседы.*)
- Вынести за скобки (букв. 괄호 밖에 내놓다). *Разговор* в русском языке может быть метафоризирован как нечто, находящееся внутри скобок. А за скобки выносятся то, о чем по какой-то причине не говорится. Говорящим и думающим на русском языке близка и понятна метафора из математики *вынести за скобки*, но в языке она не имеет математического значения и употребляется в значении *не учитывать, не принимать во внимание*: *Детали лучше оставим за скобками нашей беседы, они всем известны.* Данная метафора корейскому сознанию чужда, следовательно, нужно искать другую языковую форму передачи смысла этого контекста: ⇒ 자세한 내용에 대해서는 대화 안 해도 된다. 이것은 다 알려져 있는 사실이다 (букв. *О деталях можно не говорить, они все м известны*).
- К лакунам относятся также речевой стереотип *ломаный язык*, т.е. неправильный язык (букв. 고장 난 말). В корейском ему соответствует ⇒ *неумелый язык* (서투른 말). В основе этих стереотипов лежит разная метафоризация: в русском языке метафора выглядит как *язык* → *предмет*, а предмет может быть хрупкий, его можно сломать, и в соответствии с этим язык может быть назван ломанным (*ломаная линия* → *ломаный язык*). А корейский язык олицетворяет язык (*язык* → *человек*), отсюда *неумелый язык*: *Многие гастарбайтеры в Германии говорят на ломаном немецком языке* ⇒ 독일에서 거주하는 많은 이주노동자들은 독일어가 서투른 편이다 (букв. *Многие гастарбайтеры в Германии говорят по-немецки неумело*).

В случае лакун поиск адекватного перевода является творческой работой переводчика, когда он должен подобрать такие языковые средства, которые как можно более точно передают смысл оригинала с учетом контекста.

В целом лакуны демонстрируют различия в способе мышления и метафоризации в разных языках. В русском языке *разговор* сравнивается то с кинофильмом (*оставим за кадром*), то к нему применяется выражение из математики, но не в математическом смысле (*вынести за скобки, оставить за скобками*), то сказанное метафоризируется как хрупкий предмет, который можно ломать (*ломаный язык*). Это отражает национально специфическое в русской метафоре. Разные метафоры «дают возможность обратить внимание на различные аспекты» явления [Лакофф, Джонсон 2004: 53].

4. Псевдоэквиваленты

Псевдоэквиваленты занимают особое место в системе соотношений речевых стереотипов. Они являются структурами, при переводе которых искажения смысла наиболее вероятны. Выше мы называли их *ложными друзьями переводчика в синтаксисе*, своеобразными ловушками при переводе. В собранном нами материале это речевые стереотипы следующей грамматической формы: 1) адъективные словосочетания, в составе которых прилагательное может быть переведено буквально и дает натуральную корейскую фразу, однако не подходит для условий данного контекста; 2) структуры аналитического синтаксиса (по Брызгуновой), значение которых меняется в зависимости от контекста и интонации. С точки зрения языковой формы это разные построения (в первом случае это словосочетания существительного с прилагательными, во втором – это особые синтаксические структуры, так или иначе интонационно оформленные), но мы сознательно объединили их **в одну группу**, чтобы показать, что *ложные друзья переводчика в области речевых стереотипов* существуют на разных уровнях языка.

Адъективные словосочетания. Например, *Беседа была запоминающаяся, у нас получился яркий разговор*, где *яркий* имеет переносное значение *живой, интересный, необычный, захватывающий*. Есть особенность перевода прилагательного словом, которое имеет значение *ясный, положительный* (о разговоре): *우리는 밝은 대화를 하였다*. В это

м случае смысл аутентичной метафоры и ее значение будут потеряны. Точный перевод: ⇒ 우리는 지루하지 않고 재미있는 대화를 하였다. Столь же осторожного подхода требует передача средствами корейского языка речевого стереотипа *жесткий разговор*: Я не был не готов к такому жесткому разговору, букв. 나는 이 경직된 대화를 할 준비가 되어 있지 않았다. *Жесткий разговор* в русском языке означает, что говорящий позволяет себе прямые, резкие, нелицеприятные вещи. По этому более адекватным будет следующий перевод: ⇒ 나는 이 직설적인 대화를 할 준비가 되어 있지 않았다.

И наконец, самое сложное для восприятия иностранцами и для перевода – это такие псевдоэквиваленты, которые представляют собой так называемые аналитические синтаксические структуры по Е.А.Брызгуновой. Эти речевые стереотипы характеризуются тем, что их лексико-грамматический состав в разных контекстуальных условиях и при разном интонационном оформлении получает различное значение.

Структура *о чем говорить*

Данное выражение имеет многозначный лексико-грамматический состав, и его конкретное значение выявляется только в определенном контексте при употреблении определенного типа интонации. Так, оно может использоваться как вопрос, и в этом значении имеет эквивалент в корейском языке: (1) *Он же некультурный и необразованный. Как с ним общаться? О чем говори^{2,4}ть?* ⇒ 그는 교양도 없고 교육도 제대로 받지 못한 사람이다. 어떻게 그와 상대할 수 있겠어? 무엇에 관해 말할 수 있겠어? Но тот же самый лексико-грамматический состав может употребляться и с другим коммуникативным значением: как безусловное согласие, эмоциональное утверждение. Пример: (2) - *Это опасно – цунами?* - *О чем (можно) говори²ть?* (= Естественно. Вне всякого сомнения. Конечно. Это само собой разумеется. Это мы оба понимаем!) 쓰나미가 아주 위험한 것은 사실이다.

Синонимический ряд для контекста (1) имеет следующий вид: *О чем говорить?* = *О чем можно говорить?* = *На какие темы?* Для контекста (2) это совсем другие синонимические выражения: *О чем говорить!* = *Что говорить!* = *Что там говорить?* = *Что и говорить?* = *Это даже не осуждается.* Различно также и употребление ИК в этих случаях. В контексте (1) допускается несколько типов интонации, например, ИК-2 и ИК-4, возможно также произношение в разном месте интонационного центра (на слове *что* и на слове *го*

ворить) в зависимости от актуального членения (*О чем можно говорить?* и *О чем можно говорить?*), а в (2) и тип ИК, и место интонационного центра не могут быть изменены: возможно только употребление ИК-2 с центром на слове *говорить*.

Структура *о чем разговор*

Другой речевой стереотип: *О чем разговор*. Если мы с равним два примера: (1) *Я вижу, вы давно тут беседуете. О чем разговор?* ⇒ 여기에서 오래 대화하시는 것 같아요. 대화하시는 주제가 무엇인가요? и (2) *Ему можно верить? - О чем разговор!* (т.е. конечно). 그는 신뢰할 수 있는 사람인가요. - 물론이죠, то увидим, что в контексте (1) это вопрос (синонимический ряд *О чем разговор? = О чем вы беседуете? = Какова тема вашего разговора?* и др.), а в контексте (2) - это повествовательное предложение со значением эмоционального подтверждения слов собеседника, и синонимический ряд выглядит по-другому: *О чем разговор! = Конечно! = Несомненно! = Безусловно! = Сам собой разумеется* и др. Варианты интонационного оформления тоже разные: в (1) это ИК-2 или ИК-4, в (2) - только ИК-2.

Речевые стереотипы “О чем говорить” и “О чем разговор” близки по смыслу, но употребляются в разных контекстах: для выражения “О чем говорить” характерно употребление в ситуации, когда подтверждается какой-то факт (*Цунами-это опасно, о чем говорить!*), а выражение “О чем разговор” более типично для тех контекстов, когда говорящий обещает что-либо (*Я помогу, о чем разговор!*) или гарантирует что-либо (*Он честен? - О чем разговор!*)

Структура *Я вам скажу*

Данный лексико-грамматический состав в зависимости от контекста может употребляется либо как утверждение, т.е. повествовательное предложение (*скажу = сообщу, информирую*), либо как высказывание-оценка. Например, (1) *После того как узнаю расписание, я вам скажу* (утверждение в форме будущего времени) ⇒ 내가 일정을 확인한 후에 말씀 드리겠습니다 и (2) *Беседа у нас с вами - я вам скажу (скажу я вам) - не соответствует нашему уровню!* (вводное предложение, высказывание-оценка, в котором акцентируются эмоции говорящего) 유감스럽게도 이 대화가 우리 수준에 맞지 않다.

Эти высказывания различаются интонационно: *я вам скажу* в (1) произносится как самостоятельная синтагма и, в зависимости от выбора говорящего, могут быть употреблены разные типы интонации: ИК-1,2,4 (*Я вам скажу*^{1,2,4} - самостоятельная синтагма). В контексте

(2) этот речевой стереотип произносится не как самостоятельная синтагма, а как заударная часть предыдущей синтагмы (она, в свою очередь, может интонироваться по-разному – ИК-3,4,6): Бесе^{3,4,6} да у нас с вами – я вам скажу - /хуже не^{1,2}куда.

Различны и синонимические ряды этих выражений. Для (1) это та кой ряд: *Я узнаю расписание и вам скажу* = *я вам скажу (об это м, это)*, = *сообщу*, для (2): *я вам скажу* = *скажу я вам* = *должен я вам сказать* = *вынужден с сожалением констатировать*.

Структура **что вы думаете / что ты думаешь**

Данная структура также контекстуально зависима. Ее лексико-грамматический состав неоднозначен, т.е. значение может полностью проявиться только в контексте. Эти контексты типизированы. Например, если мы интересуемся мнением кого-либо, в контексте должно быть указание на то, что говорящий просит высказаться собеседника (собеседников): (1) *Как вам наша беседа? Что вы думаете? Вы что думаете, как вам беседа? А вы?* ⇒ 우리의 대화가 어땠어요? 어떻게 생각하세요? Но с помощью того же лексико-грамматического состава в иных контекстуальных условиях может быть выражено совсем другое значение, которое можно передать такими синонимами: *внимание - сейчас скажу удивительную (странную, возмутительную, неожиданную и т.д.) вещь*. Например: (2) *Он собрал автомобиль из деталей ржавых машин - / и что бы вы ду^{2,4}мали?! - / автомобиль поехал!*, чему в корейском языке будет соответствовать такой перевод: 그는 오래된 부품 가지고 자동차를 조립하였다. 그리고 놀랍게도 그 자동차가 굴러다녔다.

Употребление данного лексико-грамматического состава в разных контекстах отличается и интонационным оформлением: в контексте (1) центр ИК-2,4 – на слове *вы* и порядок слов более свободный (*Вы^{2,4} что думаете? Что вы^{2,4} думаете? Что думаете вы^{2,4}?*), а в контексте (2) центр ИК всегда находится на глаголе *думать* (*И что вы ду^{2,4}маете?*)

Различен и синонимический ряд, в который входят эти выражения. В контексте (1) синонимами будут: *Что вы думаете?* = *Как вы думаете?* = *Как вы считаете?* = *Как вы полагаете?* и др. В контексте (2) синонимический ряд выглядит следующим образом: *И что вы ду^{4,2}маете?! И что бы вы ду^{2,4}мали? Но что странно... Но как ни странно... И что удивительно...*

Структура **(а) вы как думаете / (а) как ты думаешь**

Лексико-грамматический состав этого выражения также неоднозначен, и конкретное значение структура получает в контексте. Данное выражение может выступать в качестве вопроса: (1) *Я вам рассказала, как думают другие. А вы⁴ как думаете?* ⇒ 다른 사람들이 이것에 대해서 어떻게 생각하는지 말씀드렸는데 당신의 의견이 어떠세요? Но если тот же лексико-грамматический состав употребляется в качестве ответа на вопрос, то выражается подтверждение сказанного собеседником, причем эмоциональное. Например:

- (2) - *Быть учителем трудно?*
 - *А вы² как думаете! (т.е. да, трудно)*
 - *교사는 어려운 직업인가요?*
 - *어렵고 맞고요.*

Различаются и возможности интонирования этих выражений. В контексте (1) возможны следующие варианты: употребление двух типов ИК: ИК2 и ИК-4 (*А вы^{2,4} как думаете?*), для контекста (2) наиболее типично ИК-2 (*А вы² как думаете! А вы² как думали!*) То, что рассматриваемый речевой стереотип имеет разное значение в разных контекстах, подтверждается также разными синонимическими рядами, в которые они входят. Для (1) это такой ряд: *А вы как думаете? А вы (сами) как думаете? А вы⁴? А вот вы⁴ – что² вы об этом думаете? Теперь вас⁴ прошу! Теперь вы⁴, пожалуйста. (Мне) интересно, что вы⁴ думаете о... Интересно, что на это счет думаете вы²? (Интересно узнать), что вы² скажете о... (=думаете)?* Для (2) это следующий синонимический ряд: *А вы² как думаете? А вы² как думали! А то! Конечно. Без сомнения, без условно, само собой разумеется.*

Подведем итоги. Русские речевые стереотипы на фоне корейского языка можно систематизировать по четырем группам. Это почти **полные эквиваленты** (речевые стереотипы, в которых тип метафорического переноса и его языковое выражение в русском и корейском языках практически совпадают: *пустой разговор, серьезный разговор, конструктивный разговор*), **частичные эквиваленты** (в разных языках узуально закреплены разные языковые средства для какой-то в общих чертах сходной метафоры: *упустить нить разговора*), **лакуны** (стереотипные выражения, отсутствующие в другом языке *вынести тему за скобки беседы*), а также **псевдоэквиваленты**, то есть много

значные структуры, конкретное значение которых раскрывается только в конкретном контексте и во взаимодействии с конкретной интонацией: это в полном смысле ложные друзья переводчика в синтаксисе (*яркий разговор, жесткий разговор, Тема - скажу я вам - неинтересная*).

Факты полного совпадения речевых стереотипов в языках (полные эквиваленты) свидетельствуют о наличии общих закономерностей мышления, свойственных обоим народам, а факты различий (частичные эквиваленты и лакуны) говорят о разной логике отражения мира разными языками. Наличие же в русском языке псевдоэквивалентов, т.е. многозначных структур, которые проявляют свое значение с помощью контекста и/или интонации, - это есть яркая особенность русского языка на фоне корейского, так как интонация и контекст в нем в этом случае более функционально нагружены.

Литература

- Акишина А.А. and Акишина Т.Е. (2012). *Грамматика чувств*. М.
- Брызгунова Е.А. (2011). *Фонологический метод при изучении морфологического и синтаксического анализма*. В сб.: *Язык и речевая деятельность*. Вып.11. Санкт-Петербургский университет. СПб.
- Брызгунова Е.А. (1997). *Интонация и синтаксис*. / Современный русский язык. Подред. В.А.Белашапковой, М..
- Бекасов М.Д. (2012). *Переводческий аспект лакунарности (на материале английского и русского языков)*. Автореферат диссертации на соиск. уч. степ. канд. филол. наук. М..
- Кириш Т., Крылова И., and Соколова Т. (1990). *Диспут*. Международные летние курсы русского языка в Государственном институте русского языка им. А.С.Пушкина, М..
- Корейско-русский словарь*. (2006). Издательство института иностранных языков. Сеул.
- Лакофф Дж. and Джонсон М. (2004). *Метафоры, которыми мы живем*. Перевод с английского. М..
- Леви-Строс К. (1994). *Первобытное мышление*. М..
- Мун Сун Вон. (1994). *Система вариативных рядов собственно-вопросительных предложений в русском языке и их эквиваленты в корейском*. М..
- Панов М.В. (1968). *Русский язык и советское общество: Социолингвистическое исследование*. Коллективная монография / Под редакцией М.В.

Панова. Т.1-4. М..
Стернин И.А. (2007). *Контрастивная лингвистика*. М..
Формановская И.И. and Шевцова С.В. (1992). *Речевой этикет*, М.

Raissa Koulkova
Department of Russian Language & Literature
Sangmyung University
300 Anseo-dong Dongnam-gu Cheonan-si, Chungnam 330-720, Korea
E-mail: rkoulkova@gmail.com

Vadim Slepchenko
School of International Studies
Kookmin University
77 Jeongneung-ro, Seongbuk-gu, Seoul 136-702, Korea
E-mail: vadimkor@yahoo.com

Received: April 12, 2012
Revised version received: April 18, 2012
Accepted: April 23, 2012